

ISSN 2409-630X (Print), ISSN 2618-916X (Online)
DOI: 10.24412/2409-630X.068.021.202501.076-086

УДК 27-9(470.4)

Ф. Н. Козлов

Чувашский государственный педагогический университет
им. И. Я. Яковлева (Чебоксары, Россия),
e-mail: fedor1977@yandex.ru

Секуляризационная политика в отношении монастырей как фактор экономического ослабления РПЦ в первые годы советской власти (на материалах Среднего Поволжья)

Аннотация

Введение. Монастыри всегда являлись особым элементом устройства Русской православной церкви (РПЦ). Живущие вне «мира», они тем не менее ощущали на себе все происходившие в государстве пертурбации. Нередко именно обители первыми попадали под «настроение» властей предержащих. История борьбы с монастырями в Советской России представляет собой неотъемлемую часть построения в этой стране новой общественной парадигмы и одну из трагических страниц периода конца 1910-х – начала 1920-х гг.

Материалы и методы. Исследование выполнено на основе массива архивных и опубликованных материалов. Неопубликованные источники вкупе с фактами из выполненных ранее научных работ позволили репрезентативно раскрыть проблематику вопроса. Исследование основывается на применении комплексного методологического подхода. Для практической реализации задач исследования были использованы общенаучные и специальные научные методы.

Результаты исследования. Монастыри в целом и обители Поволжья в частности играли ведущую роль в духовном просвещении народа и были действительными центрами духовной жизни. Представляется вполне закономерным, что власти молодой Советской Республики имели явный «интерес» и к монашескому подвигничеству в приобщении народа к вере Христовой, и к монастырской собственности. В силу вышеизложенных причин следует говорить о повышенном внимании органов управления РСФСР к монастырям: ограничению их прав, секуляризации имущества и ликвидации обителей в целом. Декретированными решениями подверглось изъятию недвижимое имущество монастырей (причем в марийском, мордовском и чувашском краях его часть была просто разграблена еще до официально узаконенной экспроприации), для нужд местных органов управления и государственных учреждений активно изымалось продовольствие и предметы первой необходимости, насьники были лишены ряда гражданских прав и связанных с ними норм социальной поддержки. Одним из аспектов экономического прессинга на обители стала организованная в 1920 г. кампания по вскрытию мощей (в интересующем нас регионе – применительно к мощам Серафима Саровского). Одновременно с ограничением возможностей для финансово-хозяйственной активности монастырей решался вопрос об их полной ликвидации.

Обсуждение и заключение. Ограничение прав и возможностей монастырей началось с первых дней установления советской власти. Одной из причин повышенного «внимания»

© Козлов Ф. Н., 2025

органов управления РСФСР к монастырям служила особая роль последних в отношениях духовенства и паствы. Последовательно в стране формировалась законодательная система превращения монашествующих в так называемых лишенцев с соответствующим понижением их социального статуса. При этом активно осуществлялась путем секуляризации политика сокращения экономического потенциала обителей. Экономический прессинг взаимоувязывался с идеологической борьбой. Показательной в этом плане служит кампания по вскрытию мощей. Шел процесс закрытия монастырей с последующим использованием их комплексов под размещение образовательных, медицинских и других государственных учреждений. Фактически к середине 1920-х гг. монашество в Среднем Поволжье перестало существовать как социальная strata.

Ключевые слова: Русская православная церковь, монастыри, Среднее Поволжье, секуляризация имущества, изъятие земли, вскрытие мощей Серафима Саровского, закрытие монастырей.

Для цитирования: Козлов Ф. Н. Секуляризационная политика в отношении монастырей как фактор экономического ослабления РПЦ в первые годы советской власти (на материалах Среднего Поволжья) // Экономическая история. 2025. Т. 21, № 1. С. 76–86. DOI: 10.24412/2409-630X.068.021.202501.076-086.

Fedor N. Kozlov

I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University (Cheboksary, Russia),
e-mail: fedor1977@yandex.ru

The Secularization Policy Towards Monasteries as a Factor of the Economic Weakening of the Russian Orthodox Church in the Early Years of Soviet Power (based on materials from the Middle Volga region)

Abstract

Introduction. Monasteries have always played a special role in the structure of the Russian Orthodox Church. Although they live outside the “world”, they are still affected by all the changes taking place in society. Often, it is the monasteries that are the first to feel the mood of those in power. The history of the struggle against monasteries during Soviet Russia is an important part of the process of creating a new social order in this country. It is one of the most tragic periods of the late 1910s and early 1920s.

Materials and Methods. The study is based on a wide range of archival and published materials, as well as unpublished sources. These sources, combined with facts from previous scientific papers, have allowed us to representative reveal the problem of the issue under investigation. The research is conducted using a comprehensive methodological approach, which includes both general scientific and specific scientific methods.

Results. Monasteries, in general, and those of the Volga region, in particular, played a significant role in the spiritual development of the people and served as important centers of spiritual life. Given this, it is not surprising that the authorities of the young Soviet republic had an interest in monasticism as a means of bringing people to faith in Christ and controlling monastic property. For these reasons, it is important to understand the increased attention that the government bodies of the RSFSR paid to monasteries, including restrictions on their rights, secularization of their property, and eventual dissolution. The real estate of the monasteries was confiscated by decree, and in the Mari, Mordovia, and Chuvash regions, some of it was even looted before the official legalization of expropriation. Food and basic necessities were seized for the needs of local governments and state institutions, while the inhabitants were denied a number of civil rights and social support standards. In 1920, one aspect of the economic pressure on monasteries involved a campaign to open relics, specifically in the region where we are interested. With regard to the remains of Seraphim of Sarov. Simultaneously, the limited opportunities for the financial and economic activities of the monasteries were being addressed, as well as the issue of their eventual complete liquidation.

Discussion and Conclusion. The restriction of the rights and opportunities of monasteries began from the very first days of Soviet power. One of the reasons for this was the special role that

monasteries played in relations between the clergy and their followers. A legislative system was gradually formed to transform monks and nuns into so-called “dispossessors”, with a corresponding decrease in their social standing. At the same time, economic pressure was applied through secularization, which was intertwined with ideological struggles. The campaign to open relics was indicative of this process. Monasteries were closed and their buildings were used for educational, medical, and government institutions. By the mid-1920s, monastic life in the Middle Volga region had largely ceased to exist.

Keywords: The Russian Orthodox Church, monasteries, the Middle Volga region, secularization of property, seizure of land, the opening of the relics of St. Seraphim of Sarov, the closure of monasteries.

For citation: Kozlov F. N. The Secularization Policy Towards Monasteries as a Factor of the Economic Weakening of the Russian Orthodox Church in the Early Years of Soviet Power (based on materials from the Middle Volga region). *Economiceskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2025; 21(1): 76–86. (In Russ.). DOI: 10.24412/2409-630X.068.021.202501.076-086.

Введение

Монастыри всегда являлись особым элементом устройства Русской православной церкви (РПЦ). Справедлива констатация С. В. Чадаевой, что православный монастырь «уникален по многообразию и важности выполняемых им социальных и культурных функций»; он «был и будет одной из наиболее представительных и значимых организаций, выступающей хранителем духовных традиций и распространителем их» среди народа [10, с. 6–7]. При этом в эпоху крупных трансформаций в жизни страны именно монастыри первыми ощущали на себе всю тяжесть изменяющегося положения и «внимание» властей. Например, Петр I в монашестве видел явного «противника своих преобразований» [9, с. 54]. И он, и последующие правители пытались поставить жизнь обителей под жесткий государственный контроль путем регламентации численности братии, формата управления монастырями, ограничения их экономического потенциала через сокращение финансирования и даже прямую секуляризацию имущества. Лидеры Советской России, как видим, были далеко не новаторами, но именно они довели идею до крайности (полной ликвидации института монашества как такового) и пытались претворить ее в жизнь. История борьбы с монастырями в Советской России представляет собой неотъемлемую часть построения в этой стране новой общественной парадигмы и одну из трагических страниц периода конца 1910-х – начала 1920-х гг.

Материалы и методы

Исследование выполнено на основе массива архивных и опубликованных материалов. Архивные документы извлечены из фондов трех региональных хранилищ: Государственного исторического архива Чувашской Республики, Государственного общественно-политического архива Нижегородской области и Центрального государственного архива Республики Мордовия. Неопубликованные источники вкупе с фактами из выполненных ранее научных работ позволили репрезентативно раскрыть проблематику вопроса.

Исследование основывается на применении комплексного методологического подхода. Эмпирический уровень составило выявление и изучение фактического материала в архивах и опубликованных источниках, а также выполненных к настоящему времени в исторической литературе наработок по проблеме, находящейся в фокусе внимания. Для практической реализации исследования были использованы общенаучные и специальные научные методы. Применение философского принципа «диалога мировоззрений» позволило выстроить конструктивную модель учета разнородных точек зрения (прежде всего государства и церкви как взаимодействующих институций). Через историко-системный и проблемно-хронологический подходы ситуация в Среднем Поволжье была «вписана» в общий контекст государственно-церковных отношений в соответствующий период отечественной истории.

Результаты исследования

Советская власть уже в первые месяцы своего существования поставила монастыри и их насельников фактически вне закона. Причем удар по этой группе был даже сильнее, чем по большей части других «нетрудовых элементов». Справедлива, на наш взгляд, высказываемая исследователями точка зрения, что партийно-государственные лидеры правильно расставили приоритеты, воспринимая монашество как главный оплот православия [2, с. 330]. Монастыри в целом и обители Поволжья в частности играли ведущую роль в духовном просвещении народа и были действительными центрами духовной жизни, куда стекались тысячи паломников в поисках моральной и нравственной поддержки. Почти в каждом из них была школа, во многих – богадельни и миссионерские приюты¹. «Мне пришлось посетить немало различных мест России, и на основании многочисленных наблюдений я должен сказать, что где в самом городе или селении или недалеко от них есть монастырь, особенно же из наиболее известных, там религиозное чувство населения живее и доступнее для духовного воздействия», – так передавал свои впечатления присяжный поверенный Московской судебной палаты Н. Д. Кузнецов, выступая в 1906 г. с докладом перед 4-м отделом Предсоборного присутствия по вопросу о церковных недвижимых имениях в России².

Представляется вполне закономерным, что власти молодой Советской Республики имели явный интерес и к монашескому подвигничеству в приобщении народа к вере Христовой, и к монастырской собственности. Только этот интерес в обоих случаях был специфический: внимание обращалось как раз для того, чтобы по обоим пунктам разгромить конкурента в борьбе за умы и

сердца. Результативная реализация планов обеспечила бы, с одной стороны, устранение одной из возможностей противодействия распространению собственной идеологии, а с другой – решение стоящих перед властями экономических проблем путем перераспределения средств по известному принципу сообщающихся сосудов («отобрать здесь и передать туда»).

В силу вышеизложенных причин следует говорить о повышенном внимании органов управления РСФСР к монастырям: ограничению их прав, секуляризации имущества и ликвидации обителей в целом. Так, Декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» закрепил положение о том, что «никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью», а все их имущество объявил «народным достоянием»³. Следующий удар был нанесен принятой 10 июля 1918 г. Конституцией (Основным законом) РСФСР. Она лишила насельников, наряду с целым рядом других категорий, такого неотъемлемого атрибута гражданства, как право избирать и быть избранными⁴. Подобное ограничение, будучи прежде всего политическим шагом, одновременно влекло за собой экономические последствия. Государство в условиях режима военного коммунизма, с одной стороны, не распространяло на них нормы какого-либо социального обеспечения (фактически ставя в этом плане в положение изгоев), а с другой – накладывало обязательства по поставкам продовольствия и товаров первой необходимости.

Так, Казанский губернский продовольственный комитет распоряжением от 10 ноября 1919 г. обязал насельниц Цивильского Богородицкого Тихвинского женского монастыря «сдавать все молоко в губернский

¹ См.: Ларионов В. С. Миссионерские монастыри Поволжья как центры духовного просвещения. URL: https://mari-mitropolia.ru/library/konfer/1998/1998_1/

² См.: Кузнецов Н. Д. Общественное значение монастырей. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Kuznecov/obshhestvennoe-znachenie-monastyrej/#source

³ СУ РСФСР (Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР). 1918. № 18. Ст. 263.

⁴ См.: СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

продовольственным комитет». Подобное решение вызвало негативную реакцию как 246 монахинь и послушниц, так и религиозной общины монастыря, постановившей «выразить протест против решения губпрокома» и «возбудить ходатайство об освобождении монастыря от обязанности доставлять молоко», так как последнее «при отсутствии других питательных средств и недостаточном количестве хлеба» является основным средством поддержания населения⁵. Имеются факты, когда советские органы управления «просили» помочь того или иного монастыря в снабжении собственного аппарата. В качестве примера можно назвать поступившее в 1918 г. настоятелю Свято-Успенской Саровской мужской пустыни «ходатайство» отпустить хлеб на содержание милиционеров Темниковского уезда, а для нужд отдела здравоохранения Краснослободского уезда шли сливки из местного Спасо-Преображенского мужского монастыря⁶. В условиях возрастающего дефицита всего и вся по причине остановки отечественного производства, сворачивания торговых операций и прекращения импорта происходило прямое изъятие различных «излишков» из монастырских хозяйств. Региональные структуры ВЧК, продовольственные комитеты и другие органы просто экспроприировали выявленные в результате обысков неучтенные продовольственные и непродовольственные товары⁷.

При этом все обязательства и прямые изъятия проходили на фоне неуклонного сокращения базы для воспроизведения монастырями средств к существованию. Реальная ситуация к тому времени складывалась так, что обители (как и церковные приходы) оказа-

лась в положении бесправных наблюдателей и исполнителей вместо выполнявшейся некогда функции «властителей дум». Последнее не является сильным преувеличением, поскольку один из выдающихся отечественных философов начала XX в. проницательно заметил: «Тени монастыря – в каждой черте христианства: в живописи, иконах, музыке, напевах, в законах, ритуалах, характере духовенства, нравах, обычаях, политике, во всем, во всем!»⁸ Однако события Октября 1917 г. кардинальным образом изменили картину мира.

Фактически вышеназванный Декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства...» закрепил уже действующее положение другого нормативного акта советского правительства – Декрета II Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов «О земле». Принятый 28 октября 1917 г. документ обобществил движимое и недвижимое имущество монастырей. Здесь принципиально отметить, что один из первых законодательных актов нового правительства не покушался на собственно религиозные представления крестьян, а делал упор на «самый волнующий для крестьянства тогда вопрос о земле»⁹. Это, с одной стороны, позволяло не провоцировать (по крайней мере в первое время) негатива к инициативам большевиков, а с другой – закрепить «свое идейное влияние в крестьянских массах»¹⁰, удовлетворяя вековые чаяния последних. Важно отметить, что призывы к «конфискациям» и «отобранию» монастырских земель в Поволжском регионе известны уже в период Первой русской революции 1905–1907 гг.¹¹ При этом вышеназванный

⁵ ГИА ЧР (Государственный исторический архив Чувашской Республики). Ф. Р-109. Оп. 1. Д. 130. Л. 98–98 об.

⁶ ЦГА РМ (Центральный государственный архив Республики Мордовия). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1381. Л. 83; Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.

⁷ ГИА ЧР. Ф. Р-109. Оп. 1. Д. 131. Л. 8.

⁸ Розанов В. В. Собрание сочинений. Около церковных стен. М., 1995. С. 493.

⁹ Косырев А. С. В революционные дни (Воспоминания старого коммуниста о событиях 1917–1918 гг.). Чебоксары, 1957. С. 9.

¹⁰ Смирнов А. С. Крестьянские съезды в 1917 г. М., 1979. С. 198.

¹¹ См.: Зыбковец В. Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России. 1917–1921 гг. М., 1975. С. 14–15.

советский декрет лишь узаконил уже начавшуюся экспроприацию церковного и монастырского землевладения, инициированную самими же большевиками в период Временного правительства. С лета 1917 г. большевистские агитаторы активно занимались разъяснением партийной линии, следствием чего стали многочисленные приговоры крестьянских сходов, постановления волостных земельных комитетов и уездных съездов крестьянских депутатов с требованием отчуждения церковных и монастырских земель¹².

В конце 1917 – начале 1918 г. были конфискованы земли, лесные угодья и имущество значительной части располагавшихся на территории Мордовии, марийского края и Чувашии монастырей (женских Куриловского во имя Тихвинской иконы Божией Матери, Зиновского Рождество-Богородицкого, Царевококшайского Богородице-Сергиева, Цивильского Богородицкого Тихвинского, Чуфаровского Свято-Троицкого, мужских Козьмодемьянского Александро-Невского, Красносльбодского Успенского, Кимлянского Александро-Невского, Чебоксарского Свято-Троицкого, Мироносицкой и Ново-Серафимовской мужских пустыней, Аштавай-Нырской мужской Свято-Никольской общин), а также ряда местных приходов. Более того, наблюдалось активное разграбление монастырского имущества крестьянами окрестных деревень. Причем, как отмечает А. В. Журавский, были особенности, связанные с «национально-конфессиональным фактором» в поволжском регионе: в местностях с преобладающим (или компактно проживающим) языческим или исламским населением православные монастыри подвергались разорению крестьянами близлежащих татарских или марийских деревень. Духовенство Казанской, Пензенской, Симбирской и Тамбовской губерний апеллировало к вышестоящим цер-

ковным и светским властям. Губернские и уездные комиссары Временного правительства направляли соответствующие предписания волостным комитетам, однако общая ситуация никак не улучшалась. Местные власти практически расписывались в невозможности изменить положение дел, а нередко и сами оказывали активное давление на обители и приходы [3; 6].

Поэтому к моменту принятия Декрета «Об отделении церкви от государства...» и целого ряда подзаконных актов монастыри уже утратили существенную часть недвижимого и движимого имущества. Декрет лишь продолжил эту практику. Более того, происходило расширение масштабов реквизиций и ограничений. Например, настоятель Козьмодемьянского Александро-Невского мужского монастыря неоднократно обращался в административный отдел местного исполкома с извещением о различных неправомерных конфискациях имущества: в январе 1918 г. крестьяне двух деревень самовольно увезли принадлежащие монастырю дубовые клепки, в феврале 1919 г. «приезжими товарищами» были отобраны 800 руб., в марте «приезжавшие в ночное время» сняли хворост с крыш монастырских сараев¹³.

Д. И. Ростиславов в специальном исследовании об имущественном положении монастырей упоминает о существовавших к моменту революционных преобразований в стране более чем 20 источниках дохода монастырей. В их числе даяния на поминовение усопших, кружечный, кошельковый, молебенный и просфорный сборы, средства от продажи свечей и лампадного масла, поступления от типографско-издательской деятельности (распространение печатной продукции и литографических картин духовно-нравственного содержания), а также проценты по банковским вкладам, прибыль от гостиниц, постоялых

¹² См.: Петров И. Е. Чувашия в первые годы диктатуры пролетариата. Чебоксары, 1961. С. 82–83; Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября: сб. док. и материалов. Казань, 1958. С. 378, 389, 390, 396.

¹³ ГИА ЧР. Ф-339. Оп. 1. Д. 33. Л. 40; Д. 34. Л. 9, 13.

дворов и доходных домов, средства от сдаваемых в аренду торговых складов и т. д.¹⁴ Согласно инструкции Народного комиссариата юстиции РСФСР от 24 августа 1918 г. «О порядке проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви», были национализированы свечные заводы, гостиницы, рыбные промыслы и прочее «доходное имущество»¹⁵. По собранным в сентябре – октябре 1918 г. VIII отделом Наркомата юстиции РСФСР анкетным данным, крестьянству было передано 827 540 дес. монастырской земли, национализированы 84 монастырских завода, 704 гостиницы и подворья, 1 112 доходных домов, 436 молочных ферм, 602 скотных двора и 311 пасек¹⁶. Всего же после 1917 г. у монастырей, по подсчетам советского исследователя В. Ф. Зыбковца, было отобрано и национализировано чуть более 1 млн дес. земли¹⁷.

7 декабря 1918 г. СНК РСФСР был принят Декрет «О кладбищах и похоронах», согласно нормам которого были отменены обязательные оплата могильных мест и совершение похоронных религиозных обрядов¹⁸. Все это стало личным делом родных и близких усопшего: готовы ли они вносить соответствующие суммы? Более того, со стороны партийно-советских органов развернулась массовая агитационная кампания за «внедрение в жизнь» кремации вместо традиционного православного «предания земле». Продвижение в массы обряда «красных похорон» даже стало идеей фикс. Согласно наблюдениям В. Паперного, в системе ранних большевистских ценностей с характерным для нее культом разрушения,

огонь и сжигание имели особое, весьма специфическое место: «крематорий и сжигание – любимые темы», крематорий «постоянно противопоставляется кладбищу. Слово “кладбище” употребляется с негативным значением»¹⁹. Дело дошло до того, что еще в декабре 1917 г. пролеткультовский поэт В. Кириллов призвал: «Во имя нашего Завтра – сожжем Рафаэля»²⁰.

Одним из аспектов экономического прессинга на обители стала организованная в 1920 г. кампания по вскрытию мощей. Одним из таковых действий в рассматриваемом регионе было вскрытие 17 декабря 1920 г. раки с останками преподобного Серафима Саровского. Решение принял проходивший в ноябре 1920 г. IX Темниковский уездный съезд Советов, реализацией занималась особая комиссия во главе с начальником уездного отдела юстиции [11, с. 55–61]. Инициатором же был заведующий местным отделом народного образования З. Ф. Дорофеев. Позднее В. Пешонова, один из исследователей творчества этого поэта, утверждала, что тот по горячим следам вскрытия мощей Серафима Саровского создал «Антирелигиозный гимн»²¹. Здесь налицо явная подгонка фактов: стихотворение было написано в 1919 г., хотя его действительно можно назвать одним из наиболее одиозных и при этом имеющих касательное отношение к рассматриваемому вопросу: «Бога нет. Пророки – сказка, Моши – выдумка церквей»²².

Мы согласны с мнением исследователей, что эта акция в целом преследовала цель «дискредитации православных священнослужителей», «разоблачения попо-

¹⁴ См.: Ростиславов Д. И. Опыт исследования об имуществах и доходах наших монастырей. СПб., 1876. С. 86.

¹⁵ СУ РСФСР. 1918. № 62. Ст. 685.

¹⁶ См.: Плаксин Р. Ю. Крах церковной контрреволюции. 1917–1923 гг. М., 1968. С. 88.

¹⁷ См.: Зыбковец В. Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России. 1917–1921 гг. С. 28.

¹⁸ СУ РСФСР. 1918. № 90. Ст. 921.

¹⁹ Паперный В. Культура «Два». М., 1996. С. 42.

²⁰ Кириллов В. Т. Мы // Антология русской лирики первой четверти XX века. М., 1991. С. 447.

²¹ См.: История мордовской советской литературы: в 2 т. Саранск, 1968. Т. 1. С. 60.

²² Дорофеев З. Ф. Собрание сочинений. Саранск, 1964. Т. 1. С. 213.

вских обманов», демонстрации, «как наживались священники на истинной вере» и т. д. [7, с. 52] Но, на наш взгляд, мероприятия в этом направлении должны были иметь и финансово материализованный эффект через сокращение числа паломников и, соответственно, денежных поступлений. Организаторы антирелигиозных действий рассматривали святые мощи как средство извлечения монастырями и храмами «огромных» доходов: «культ мощей обязательно связан с материальной выгодой», «мощи святых и реликвии служили приманкой для паломников», «открытие святых останков сразу выводило монастыри из стесненного положения и обогащало их»²³, – поэтому само по себе задуманное должно было привести к сокращению последних.

Все вышеописанное происходило на фоне постоянных попыток ликвидировать обители как таковые. Комплексы монастырских зданий привлекали пристальное внимание властных институций в силу крайней востребованности «квадратных метров» под нужды различных государственных учреждений. Неслучайно VIII (ликвидационный) отдел Наркомата юстиции РСФСР мотивировал выселение монашествующих «огромной потребностью» в помещениях для «трудовых классов» [8, с. 332]. Губернские комитеты РКП(б) циркулярно «рекомендовали» инициировать на местах обсуждение на различного рода собраниях вопроса о закрытии монастырей и использовании «высвобождающихся» площадей под размещение школ, больниц, клубов и прочих организаций просвещения, здравоохранения и социального признания²⁴. Поэтому, как правило, конфискация недвижимого имущества сопровождалась благодушными предлогами и основывалась на «ходатайствах» и «решениях» населения. Так, в январе 1918 г. Цивильский уездный

земельный комитет удовлетворил просьбу крестьян д. Тюнзыр Цивильской волости о передаче им монастырского дома для устройства школы; в начале апреля 1918 г. земельным отделом Ядринского уездного Совета на месте ликвидированного Александринского женского монастыря было организовано образцовое советское хозяйство, специализировавшееся на животноводстве, и детский интернат на 150 чел.; в октябре 1918 г. Аликовский волостной комитет бедноты с использованием предназначавшегося для женского монастыря материалов приступил к строительству в с. Аликово народного дома²⁵. 16 января 1919 г. постановлением исполкома Царевококшайского уезда были национализированы все постройки Мироносицкого монастыря, за исключением одного корпуса для размещения братии, настоятельского дома и собственно храма, но уже 1 апреля того же года настоятельский дом был отобран под народный дом [4, с. 38].

Как правило, в случае закрытия монастыря собственно церковные принадлежности передавались другой религиозной общине. Так, в январе 1926 г. православно-религиозной группе г. Цивильска Управлением милиции было передано имущество бывшего Цивильского Тихвинского женского монастыря (облачения, лампады, иконы и т. п.), а также хранившиеся до революционные книжки Государственной сберегательной кассы и квитанции о страховании от огня в уже советском «Госстрахе»²⁶. При этом при наличии желающих из числа советско-партийных органов или государственных организаций последним могли быть выделены богослужебные предметы для конкретных практических нужд. Например, при закрытии в 1924 г. Чебоксарского Свято-Троицкого мужского монастыря Наркомат просвещения получил митру, кресты, ризы, епитрахиль, украше-

²³ О святых мощах: сб. материалов / сост. М. Долгинов. М., 1961. С. 16, 25.

²⁴ Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф-1. Оп. 1. Д. 2380. Л. 24.

²⁵ ГИА ЧР. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 10. Л. 89 об.; Д. 25. Л. 44; Оп. 2. Д. 10. Л. 51–52.

²⁶ Там же. Ф. Р-194. Оп. 1. Д. 313. Л. 3–34, 46–59, 70.

ния с двух икон Богоматери для постановки пьесы «Последние дни Булгарского царства»²⁷. Тогда же этот монастырь «профинансировал» Чебоксарский городской совет мебелью, а Дом отдыха областной кассы социального страхования – столовыми наборами²⁸.

Говоря о национализации монастырской земли, нельзя пройти мимо следующего обстоятельства: могли ли монастыри наряду с другими категориями граждан владеть в новых условиях землей вообще? Как исключительный факт мы можем упомянуть о решении Саранского уездного земельного отдела, определившего в июне 1918 г. при разверстке земли и надельные площади в пользу местных Чуфаровского и Куриловского монастырей²⁹. Однако в целом уставы «гражданских» сельскохозяйственных коммун запрещали членство в них служителей религиозных культов, но духовенству удавалось кооперироваться в трудовые артели при действующих монастырях. Поэтому даже часть монастырской земли осталась в ведении прежних хозяев, формально сменив статус на «коммунальную». Например, в 1919 г. монахинями была образована Шейн-Майданская трудовая коммуна Ардатовского уезда. Правда, число работниц в ней уменьшилось почти в 3 раза (28 против 85 насељниц в 1916 г.). В хозяйстве имелось 67 дес. земли, 7 дес. лугов и сада, несколько десятин леса, 4 рабочих лошади, 5 голов крупного рогатого скота и пасека. В 1926 г., несмотря на успехи, насељницы были выдворены из обители-коммуны, монастырь был уничтожен, а последние оставшиеся строения заняты школой крестьянской молодежи³⁰. Отметим, что Шейн-Майданская трудовая коммуна оказалась не единственной, но одной из самых жизнеспособных. Для

сравнения: в 1919 г. артель возникла и на территории Чуфаровского Свято-Троицкого женского монастыря Саранского уезда, однако это сельскохозяйственное товарищество было ликвидировано уже в июне 1923 г., когда монахини открыто отвергли «советскую» обновленческую церковь [1, с. 253; 2, с. 351]. Нельзя не упомянуть и о судьбе алатырских монастырей: в январе 1919 г. монахиням Алатырского Киево-Никольского (точнее – Киево-Николаевского) монастыря удалось создать коммуну «Труженица» [5, с. 24]. Фактически мы можем говорить, что как социальная страта монашество перестало существовать только к середине 1920-х гг.

Обсуждение и заключение

С первых дней установления советской власти началось ограничение прав и возможностей монастырей. Обители и их насељники, будучи обособленным звеном в структуре Русской православной церкви, играли особую роль в отношениях духовенства и паствы. Это послужило одной из причин повышенного внимания органов управления РСФСР к монастырям, выразившегося в ограничении их прав, секуляризации имущества и ликвидации обителей в целом. Последовательно формировалась законодательная система превращения монашествующих в так называемых лишенцев с соответствующим понижением их социального статуса. При этом активно осуществлялась политика сокращения экономического потенциала: была проведена экспроприация недвижимой (прежде всего – земли и прочих угодий) собственности, существенно ограничены доходные статьи, на регулярной основе шло изъятие «излишков» продовольствия и товаров первой необходимости. Экономический прессинг взаимоувязывался с идеологической борьбой. Показательной в плане

²⁷ ГИА ЧР. Ф. Р-784. Оп. 1. Д. 53. Л. 118.

²⁸ Там же. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 364. Л. 60, 62.

²⁹ ЦГА РМ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 18. Л. 10.

³⁰ См.: Агеев М. В. Победа колхозного строя в Мордовской АССР. Саранск, 1960. С. 92; Бухаркин А. П. Шейн-Майданский Богородице-Отрадный женский монастырь Симбирской епархии Ардатовского уезда. URL: http://a2b2.ru/methods/11845_sheyn_-_maydanskiy_bogorodice_-_otradnyy_zhenskiy_monastyr_simbirskoy_eparhii_ardatovskogo_uezda

последнего служит кампания по вскрытию мощей. Шел процесс закрытия монастырей с последующим использованием их комплексов под размещение образовательных,

медицинских и других государственных учреждений. Фактически к середине 1920-х гг. монашество в Среднем Поволжье перестало существовать как социальная страта.

Список источников

1. Бахмустов С. Б. Монастыри Мордовии. Саранск, 2000. 976 с.
2. Бахмустов С. Б. Православие в Мордовском kraе: историко-культурологический аспект. Саранск, 2006. 384 с.
3. Журавский А. В. Насильственная секуляризация монастырских хозяйств в национальных республиках Поволжья в 1917–1919 гг. // Христианское просвещение и русская культура: материалы III науч.-богослов. конф. Йошкар-Ола, 2001. С. 43–52.
4. Ильин М., иерей. Мироносицкая пустынь: к 360-летию обретения Царевококшайской иконы Пресвятой Богородицы // Христианское просвещение и русская культура: докл. и сообщения X науч.-богосл. конф. Йошкар-Ола, 2007. С. 35–43.
5. Касимов Е. В. Государственная политика развития производственной кооперации в сельском хозяйстве Чувашии в 1918–1929 гг. // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Чебоксары, 2006. Вып. 4. С. 16–70.
6. Козлов Ф. Н. Экономическое положение православного духовенства в период Временного правительства (на материалах национальных регионов Среднего Поволжья) // Экономическая история. 2019. Т. 15, № 1. С. 72–81.
7. Майорова Н. С. Вскрытие мощей Сергия Радонежского и кампания по вскрытию мощей во всероссийском масштабе // Вестник Костромского государственного университета. 2016. № 2. С. 52–56.
8. Монашество и монастыри в России XI–XX века. Исторические очерки. М., 2002. 346 с.
9. Федоров В. А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). М., 2003. 480 с.
10. Чадаева С. В. Православный монастырь в социальном и историческом контексте духовной культуры России: дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород, 2003. 200 с.
11. Юрченков В. А. Саровский монастырь: трудные 20-е годы // Саранские епархиальные ведомости. 1993. № 7–9. С. 54–64.

References

1. Bakhmustov S. B. Monasteries of Mordovia. Saransk, 2000. 976 p. (In Russ.)
2. Bakhmustov S. B. Orthodoxy in the Mordovian region: historical and cultural aspect. Saransk, 2006. 384 p. (In Russ.)
3. Zhuravsky A. V. Forced secularization of monastic farms in the national republics of the Volga region in 1917–1919. *Khristianskoye prosveshcheniye i russkaya kultura: materialy III nauch.-bogoslov. konf.* = Christian enlightenment and Russian culture: materials of the III scientific-theological conf. Yoshkar-Ola, 2001. P. 43–52. (In Russ.)
4. Ilyin M., priest. Mironositskaya pustyn: on the 360th anniversary of the acquisition of the Tsarevokokshay Icon of the Most Holy Theotokos. *Khristianskoye prosveshcheniye i russkaya kultura: Dokl. i soobshcheniya X nauch.-bogosl. konf.* = Christian Enlightenment and Russian Culture: Reports and communications of the X Scientific and Theological Conference. Yoshkar-Ola, 2007. P. 35–43. (In Russ.)
5. Kasimov E. V. State policy for the development of industrial cooperation in Chuvashia in 1918–1929. *Issledovaniya po istorii Chuvashii i chuvashskogo naroda* = Studies on the history of Chuvashia and the Chuvash people. Iss. 4. Cheboksary, 2006. P. 16–70. (In Russ.)
6. Kozlov F. N. The economic situation of the Orthodox clergy during the period of the Provisional Government (based on the materials of the national regions of the Middle Volga region). *Ekonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History, 2019. Vol. 15, No. 1. P. 72–81. (In Russ.)
7. Mayorova N. S. The opening of the relics of Sergius of Radonezh and the campaign to open the relics on an All-Russian scale. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Kostroma State University. 2016. No. 2. P. 52–56. (In Russ.)
8. Monasticism and monasteries in Russia of the XI–XX century. Historical essays. Moscow, 2002. 346 p. (In Russ.)

9. Fedorov V. A. The Russian Orthodox Church and the state. The Synodal period (1700–1917). Moscow, 2003. 480 p. (In Russ.)
10. Chadaeva S. V. The Orthodox monastery in the social and historical context of the spiritual culture of Russia: dis. ... PhD in Philology. Sciences: 24.00.01. N. Novgorod, 2003. 200 p. (In Russ.)
11. Yurchenkov V. A. Sarov monastery: the difficult 20s. *Saranskiye eparkhialnyye vedomosti* = Saransk Diocesan Gazette. 1993. No. 7–9. P. 54–64. (In Russ.)

Поступила 14.01.2025.

Сведения об авторе

Козлов Федор Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева (Чебоксары, Россия). Сфера научных интересов: история православной церкви в советский период, государственно-церковные взаимоотношения, биографии священнослужителей, история и культура Чувашии и чувашского народа. Автор более 130 научных публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1411-6429>.

E-mail: fedor1977@yandex.ru

Submitted 14.01.2025.

About the author

Fedor N. Kozlov – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of National and Universal History I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University (Cheboksary, Russia). Research interests: history of the Orthodox Church in the Soviet period, state-Church relations, biographies of the clergy, history and culture of Chuvashia and the Chuvash people. The author of more than 130 scientific publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1411-6429>.

E-mail: fedor1977@yandex.ru